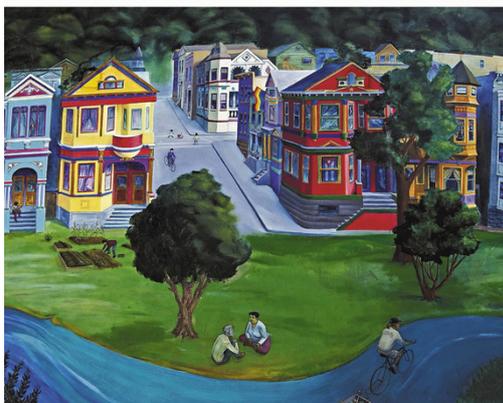

ПИСАТЕЛЬ, КОТОРОГО СРАВНИВАЮТ
С РЭЕМ БРЭДБЕРИ

УИЛЬЯМ САРОЯН

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

Уильям Сароян Человеческая комедия

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6887264
Уильям Сароян. Человеческая комедия: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70502-3

Аннотация

Жители американского городка Итака живут в своем маленьком и уютном мире. Только братья Улисс и Гомер нарушают их спокойствие: один – мелкими шалостями, другой – неожиданными новостями. Гомер – старший мужчина в доме. Он разносит телеграммы горожанам: иногда это весточки от отцов, старших братьев и сыновей с далеких фронтов войны, которую вот-вот назовут мировой, а иногда это извещения для горожан от военного министерства. Они говорят о том, что их родные не вернуться домой никогда. Улисс и Гомеру приходится не только слишком быстро взрослеть, но и самим, без чужих подсказок, разбираться в непонятных, жестоких и безумных правилах жизни.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	29
Глава 12	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Уильям Сароян

Человеческая комедия

Посвящается Такуи Сароян

Я очень долго собирался написать рассказ для тебя, мне так хотелось, чтобы это был особенно хороший рассказ, самый лучший, какой я могу написать, и вот теперь наконец, хоть и немножко наспех, я попытался это сделать. Можно было, конечно, подождать еще немного, но так трудно предсказать, что сулит мне будущее и как оно повлияет на мои вкусы и мастерство; поэтому я поторопился и рискнул положиться на мои теперешние вкус и мастерство. Скоро, надеюсь, какой-нибудь необыкновенный переводчик переведет мой рассказ на армянский язык и он будет напечатан теми буквами, которые тебе легко разобрать. В переводе рассказ может получиться даже лучше, чем по-английски, и, как это у нас не раз бывало, тебе вдруг захочется прочесть мне кое-что из него вслух, хоть этот рассказ и написал я сам. Обещаю слушать внимательно и восхищаться красотой нашего, так редко понятного людям и так любимого тобой языка. Ты не можешь читать английские книжки и наслаждаться ими, как армянскими, а я совсем не умею ни читать, ни писать по-армянски – поэтому вся наша надежда на хорошего переводчика. Но так или иначе повесть эта написана для тебя. Надеюсь, она тебе понравится. Я написал ее просто, как умел, с той смесью суровости и беззаботности, которая свойственна всей нашей семье, и тебе в особенности. В повести не все сказано, но что из этого? Тебе-то наверняка покажется, что в ней сказано все, потому что писал ее твой сын, и писал с самыми добрыми намерениями.

Глава 1

Улисс

Маленький мальчик, которого звали Улисс Маколей, стоял над только что вырытой норкой суслика во дворе своего дома на авеню Санта-Клара в городе Итаке, штат Калифорния. Суслик выбросил из норки немножко свежей влажной земли и взглянул на мальчика, который явно был незнакомцем, но мог и не быть ему недругом. Прежде чем мальчик успел до конца насладиться этим чудом, одна из птиц Итаки залетела на старый орех, который рос у них во дворе; примостившись на ветке, она залилась в экстазе и отвлекла зачарованный взгляд мальчика от земли к дереву. А потом, в довершение чудес, запыхтел и заревел товарный поезд. Мальчик прислушался и почувствовал, как у него под ногами дрожит земля. Тогда он бросился бежать и бежал (как ему казалось) быстрее всех, кто живет на свете.

Когда Улисс добежал до переезда, он как раз успел увидеть весь поезд – от паровоза до тормозного вагона. Мальчик помахал машинисту, но машинист и не подумал махать ему в ответ. Улисс помахал еще пятерым людям, которые ехали на этом поезде, но ни один из них не помахал ему в ответ. Может, они и могли бы это сделать, но им не захотелось. Наконец Улисс увидел негра, который перегнулся через борт платформы. Сквозь грохот поезда мальчик услышал, как негр поет:

Не плачь больше, моя милая,
больше не плачь сегодня.
Мы с тобой споем песню в честь
нашего старого дома в Кентукки,
В честь далекого старого дома в Кентукки.

Улисс помахал негру, и тогда случилось нечто неожиданное и необыкновенное. Человек, такой черный и такой ни на кого не похожий, вдруг помахал Улиссу и закричал: «Еду домой, мальчик, еду в родные места!»

Мальчик и негр махали друг другу, пока поезд почти совсем не скрылся из виду.

И тогда Улисс огляделся вокруг. Вот он раскинулся перед ним, увлекательный и уединенный мир, в котором текла его жизнь. Станный, заросший сорняками, необыкновенный, непостижимый, но такой прекрасный мир. По железнодорожному полотну брел старик со скатанным пледом на спине. Улисс помахал и ему, но старик был слишком дряхл и слишком утомлен, чтобы радоваться дружелюбию мальчика. Старик взглянул на Улисса так, словно и он, и мальчик уже давно умерли.

Мальчик повернулся и медленно направился домой. Шагая, он все еще прислушивался к шуму поезда, к пению негра и радостным его словам: «Еду домой, мальчик, еду в родные места!» Улисс остановился, чтобы обо всем этом хорошенько подумать, замешкавшись возле сикоморы, расшвыривая ногой ее желтые, пахучие, перезрелые плоды. И он улыбнулся, как умели улыбаться все Маколеи: нежной, мудрой, затаенной улыбкой, говорившей «да» всему, что дарила им жизнь.

Когда Улисс завернул за угол и увидел дом Маколеев, он побежал вприпрыжку, пританцовывая. От всего этого веселья он споткнулся, упал, но сразу же встал на ноги и побежал дальше.

Мать его была во дворе и кормила кур. Она видела, как мальчик споткнулся, упал, но снова поднялся и пустился вприпрыжку. Он приблизился к ней бесшумно и встал рядом, а потом отправился к куриному гнезду за яйцами. Там лежало только одно яйцо. Улисс на него

поглядел, вынул, принес матери и очень бережно его отдал, подразумевая при этом то, о чем ни один взрослый не может догадаться, а ребенок непременно позабудет рассказать.

Глава 2

Гомер

Брат его Гомер, оседлав подержанный велосипед, отважно пробирался по грязной проселочной дороге. На Гомере Маколее были чересчур просторный китель телеграфного рассыльного и слишком тесная форменная фуражка. Солнце заходило в дремотном покое, который так дорог сердцу жителей Итаки. Везде и всюду на древней калифорнийской земле лениво нежились фруктовые сады и виноградники. Хотя Гомер и спешил, от него не ускользало обаяние родных мест. «Ты только взгляни! – восхищался он то землей и деревом, то солнцем, травой и облаками. – Ты на них погляди!» Он стал выписывать причудливые кренделя колесами своего велосипеда и, вторя этим искусным движениям, залился громкой, горластой песней – простой, трогательной и забавной. Тему этой арии в голове его подхватили струны оркестра, потом к ним присоединились арфа его матери и пианино сестры Бесс. И наконец, чтобы соединить всю семью воедино, к ним примешались звуки аккордеона, игравшего с той улыбчивой и чуть угрюмой нежностью, которая напомнила Гомеру его брата Маркуса.

Музыку Гомера заглушил грохот трех удивительных предметов, стремительно пересекавших небосклон. Рассыльный поднял голову и тут же угодил в узкую высохшую канаву. «Самолеты», – сказал себе Гомер. Подбежала собака какого-то фермера; вид у нее был значительный, и, когда она лаяла, она была похожа на человека, передающего какую-то важную весть. Гомер не захотел слушать собаку и только разок повернулся, чтобы ее отпугнуть, сказав ей: «Гав, гав!» Сев на велосипед, он снова отправился в путь.

У въезда в город ему встретилась надпись:

Итака, Калифорния.
В гостях хорошо, а дома лучше.
Добро пожаловать, пришелец! —

но он, не читая, миновал ее.

Остановившись на углу, он проводил взглядом длинную вереницу военных грузовиков с солдатами. Он помахал им рукой, совсем как брат его Улисс махал машинисту и подсевшим на поезд бродягам. Многие солдаты ответили на его приветствие. А почему бы не ответить? Терять-то им было нечего...

Глава 3

Телеграфная контора

Когда Гомер наконец подъехал к дверям телеграфной конторы, в Итаке наступил вечер. Часы в окне показывали две минуты восьмого. Гомер увидел, как управляющий телеграфной конторой мистер Спенглер подсчитывает слова телеграммы, которую ему передал усталый, озабоченный молодой человек лет двадцати. Переступив порог, Гомер услышал разговор мистера Спенглера с молодым человеком.

– Пятнадцать слов, – сказал Спенглер. Помолчав, он взглянул на юношу. – Что, туговато с деньгами?

Юноша не смог сразу ответить.

– Да, сэр, – потом сказал он. – Немножко. Но мама пошлет мне денег, чтобы я мог доехать домой.

– Непременно, – сказал Спенглер. – А где вы побывали?

– Да можно сказать – нигде, – ответил юноша и закашлялся. – Сколько времени нужно, чтобы мама получила телеграмму?

– Видите ли, – объяснил ему Спенглер, – на востоке сейчас уже поздно. А ночью иногда не так-то легко достать денег. Но я протолкну вашу телеграмму как можно быстрее.

И, уже не глядя на юношу, Спенглер обшарил свои карманы, вытащил горсть мелочи, одну бумажку и крутое яйцо.

– Натэ, – сказал он, – пригодится. – Он дал молодому человеку бумажку. – Вернете, когда получите от мамы. – И показал ему яйцо. – Прихватил неделю назад в одном баре. На счастье.

Юноша взглянул на деньги.

– Как же это так? – спросил он.

– Чепуха, – сказал Спенглер.

– Спасибо, – сказал юноша. Он стоял сконфуженный и пораженный. – Спасибо, – повторил он и поспешно вышел из конторы.

Спенглер отнес телеграмму ночному телеграфисту Уильяму Грогену.

– Платная, Вилли, – сказал он. – Я сам за нее заплачу.

Мистер Гроген схватил рукоятку аппарата и стал буква за буквой выстукивать телеграмму:

М-СС МАРГАРЕТ СТРИКМЕН, 1874, БИДЛСТРИТ, ЙОРК, ПЕНСИЛЬВАНИЯ.

ДОРОГАЯ МАМОЧКА. ПОЖАЛУЙСТА, ПЕРЕВЕДИ ТЕЛЕГРАФОМ ТРИДЦАТЬ ДОЛЛАРОВ. ХОЧУ ДОМОЙ. ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ХОРОШО. ВСЕ В ПОРЯДКЕ. ДЖОН.

Гомер поискал на конторке, нет ли там телеграмм для доставки или телефонных вызовов. Мистер Спенглер рассеянно следил за ним, а потом спросил:

– Тебе нравится работать рассыльным?

– Нравится ли мне работать рассыльным? – переспросил Гомер. – Больше всего на свете. Встречаешь столько разных людей. Бываешь в самых разных местах.

– Угу, – сказал Спенглер. Он помолчал, чтобы внимательнее посмотреть на мальчика. – Как ты вчера спал?

– Хорошо, – сказал Гомер. – Я здорово устал, но спал хорошо.

– А в школе сегодня ты небось тоже немножко поспал?

– Немножко.

– На каком уроке?

– На древней истории.

– А как у тебя со спортом? – спросил Спенглер. – Из-за этой работы ты, наверно, не сможешь заниматься спортом?

– Я занимаюсь спортом, – сказал Гомер. – У нас каждый день урок гимнастики.

– Правда? – спросил Спенглер. – Когда я учился в средней школе, я участвовал в беге на двести метров с препятствиями. Был чемпионом нашей Долины. – Управляющий телеграфной конторой немножко помолчал. – Тебе в самом деле нравится эта работа?

– Я хочу быть самым лучшим рассыльным из всех, что работали в этой конторе, – сказал Гомер.

– Ладно, – сказал Спенглер. – Только не надрывайся, не торопись. Старайся доехать поскорее, но не слишком быстро. Будь вежлив – снимай шляпу в лифте, а главное, смотри не теряй телеграмм.

– Хорошо.

– Ночная работа – совсем не то, что дневная, – продолжал Спенглер. – Доставить телеграмму в китайский квартал или в город не у каждого хватит духу, но ты не бойся. Люди – везде люди. Ты их не бойся. Сколько тебе лет?

Гомер поперхнулся:

– Шестнадцать.

– Ага, понятно, – сказал Спенглер. – Ты и вчера говорил, что шестнадцать. Нам не полагается нанимать мальчиков, если им нет хотя бы шестнадцати, но с тобой я пошел на риск. Сколько тебе лет?

– Четырнадцать, – сказал Гомер.

– Что ж, – сказал Спенглер, – через два года тебе будет шестнадцать.

– Да, сэр.

– Если чего не поймешь, – сказал Спенглер, – спрашивай у меня.

– Хорошо, сэр. – Гомер помолчал. – А как у вас насчет телеграмм для пения?

– Никак, – сказал Спенглер. – Мы получаем их редко. А у тебя, кажется, довольно приятный голос?

– Я пел в пресвитерианской воскресной школе города Итаки.

– Прекрасно, – сказал Спенглер. – Именно такой голос нам и нужен. Предположим, нашего мистера Грогена поздравили с днем рождения. Как ты это передашь?

Гомер подошел к мистеру Грогену и спел:

С днем рожденья поздравляю,
Много счастья желаю
Вам я, Гроген дорогой!

– Спасибо, – сказал мистер Гроген.

– Отлично, – похвалил рассыльного мистер Спенглер. – Но тебе не полагается называть его «дорогой Гроген». Ты должен называть его «дорогой мистер Гроген». А что ты собираешься делать с твоими пятнадцатью долларами в не-делю?

– Отдам их матери, – сказал Гомер.

– Ладно, – сказал мистер Спенглер. – Считай, что ты прошел испытательный срок. И нанят на постоянную работу. Отныне ты член нашей команды. Наблюдай, слушай внимательно, гляди в оба, держи ухо востро. – Управляющий телеграфной конторой рассеянно отвернулся, а потом спросил: – Кем ты мечтаешь стать в будущем?

– В будущем? – переспросил Гомер. Он был немножко смущен, потому что всю жизнь, изо дня в день, только и делал, что мечтал о будущем, даже тогда, когда это будущее ограничивалось завтрашним днем. – Как вам сказать, – ответил он. – Точно не знаю. Но мне хотелось бы кем-нибудь стать. Может, композитором или вроде этого. Когда-нибудь.

– Прекрасно, – сказал Спенглер. – У нас для начала как раз подходящее место. Повсюду вокруг тебя музыка, настоящая музыка. Прямо из жизни, прямо из людских сердец. Ты только прислушайся к стуку телеграфного ключа. Какая красивая музыка!

– Да, сэр, – сказал Гомер.

Спенглер внезапно спросил:

– Ты знаешь булочную Чаттертона на Бродвее? На, возьми четвертак. Принеси мне два вчерашних пирога с яблоками и кокосовым кремом. Их дают два на четвертак.

– Хорошо, сэр, – сказал Гомер. Он поймал на лету монету, которую бросил ему Спенглер, и выбежал из конторы.

Спенглер поглядел ему вслед, снова впадая в ленивое, приятное, немножко грустное забытие. Когда Спенглер очнулся, он спросил телеграфиста:

– Как он тебе нравится?

– Славный мальчик, – сказал мистер Гроген.

– Вот и я так думаю. Из хорошей бедной семьи с авеню Санта-Клара. Отца нет. Брат в армии. Мать летом работает упаковщицей на складе. Сестра учится в колледже. Он годика на два моложе, чем надо, только и всего.

– А я вот годика на два старше, чем надо, – сказал мистер Гроген. – Значит, мы с ним поладим.

Спенглер встал из-за стола.

– Если я буду нужен, – сказал он, – найдете меня в баре Корбета. А пироги поделите между собой... – Он остановился на полуслове, не веря своим глазам: Гомер вбежал в комнату с двумя пирогами, завернутыми в бумагу.

– А ну, повтори, как тебя зовут? – Спенглер почти заорал на мальчика.

– Гомер Маколей.

Управляющий телеграфной конторой обнял нового рассыльного.

– Молодец, Гомер Маколей. Тебя-то нам в конторе и не доставало в ночную смену. Ты, наверно, самый скоростной снаряд в долине Сан-Хоакин. И когда-нибудь будешь великим человеком, если, конечно, выживешь. Смотри постарайся выжить. – Он повернулся и вышел из конторы, а Гомер так и не понял, что хотел сказать его начальник.

– Ладно, малыш, – сказал мистер Гроген, – давай пироги.

Гомер положил пироги на стол возле мистера Грогена, а тот продолжал свою речь.

– Гомер Маколей, – сказал он, – мое имя Уильям Гроген. Однако зовут меня Вилли, хоть мне и шестьдесят семь лет от роду. Я – ветеран телеграфного дела и один из последних могижан ручного телеграфа. Я также заведую ночной сменой в этой конторе и храню воспоминания о множестве ушедших в небытие удивительных миров. И я голоден. Так давай попируем и съедим эти пироги с яблоками и кокосовым кремом. Отныне мы с тобой друзья.

– Да, сэр, – подтвердил Гомер.

Старый телеграфист разломил один из пирогов на четыре части, и они стали есть кокосовый крем.

– Время от времени я буду посылать тебя с поручениями, – сказал мистер Гроген, – просить тебя спеть со мной песню или просто поболтать. В минуты опьянения я потребую от тебя глубочайшей чуткости, которой нельзя требовать от мужчин старше двенадцати лет. Сколько тебе лет?

– Четырнадцать, – сказал Гомер, – но, по-моему, у меня хватит чуткости.

– Отлично, – сказал мистер Гроген. – Придется поверить тебе на слово. По ночам я буду рассчитывать на то, что ты сумеешь заставить меня выполнять мои обязанности. Если не сумеешь растряссти, плесни мне в лицо холодной водицы, а вслед за этим мне полагается дать чашку горячего черного кофе от Корбета.

– Да, сэр, – сказал Гомер.

– Но на улице, – продолжал мистер Гроген, – действовать надо совсем иначе. Если ты узришь меня окутанным парами алкоголя, приветствуй меня и продолжай свой путь молча, не нарушая моего блаженства. Я – человек чувствительный и не люблю быть объектом сострадания.

– Холодная вода и кофе в конторе, – повторил Гомер. – Вежливый поклон на улице. Понятно, сэр.

Мистер Гроген продолжал, хотя рот его и был набит кокосовым кремом:

– Как ты думаешь, на земле станет лучше после войны?

Гомер секунду подумал, а потом сказал:

– Конечно, сэр.

– Ты любишь кокосовый крем? – спросил его мистер Гроген.

– Конечно, сэр, – сказал Гомер.

Телеграфный аппарат застучал. Мистер Гроген ответил на вызов и занял свое место у пишущей машинки, не переставая, однако, разговаривать.

– И я поклонник кокосового крема, – сказал он. – А кроме того, музыки, особенно пения. Кажется, я не ослышался и ты действительно говорил, что некогда пел в воскресной школе? Будь добр, исполни мне один из псалмов, покуда я печатаю сообщение из Вашингтона.

Пока мистер Гроген печатал телеграмму, Гомер спел ему «Твердыню в веках». Телеграмма была адресована миссис Розе Сэндовал, 1129, Джи-стрит, Итака, Калифорния, и военное министерство в ней сообщало миссис Сэндовал, что ее сын Хуан Доминго Сэндовал пал смертью храбрых.

Мистер Гроген передал телеграмму Гомеру. Потом он отпил большой глоток из бутылки, которую всегда держал под рукой в ящике своего стола. Гомер сложил телеграмму, сунул в конверт, запечатал его, положил в фуражку и вышел из конторы. Когда рассылный удалился, старый телеграфист громко запел «Твердыню в веках». Ведь некогда и он был молод.

Глава 4

Весь мир будет мне завидовать

Музыка доносилась из дома Маколеев на авеню Санта-Клара. Бесс и миссис Маколей играли «Весь мир будет мне завидовать». Они играли эту песню для солдата Маркуса, где бы он сейчас ни был, потому что Маркус любил эту песню больше всех других. В гостиную вошла их соседка Мэри Арена, встала возле Бесс у пианино и запела. Она пела для Маркуса, который был ей дороже жизни. Маленький Улисс смотрел на них. Где-то далеко происходило что-то непонятное, ему хотелось угадать, что именно, хотя веки его и слипались. Наконец он превозмог сон и спросил:

– А где Маркус?

Миссис Маколей поглядела на мальчика.

– Ты пойми... – начала она, но сразу же замолчала.

Улисс очень старался, но не знал, что ему нужно понять.

– Что? – спросил он.

– Маркуса больше нет в Итаке, – сказала миссис Маколей. – Он уехал.

– Почему?

– Маркус ушел на войну.

– А когда он вернется домой?

– Когда кончится война.

– Завтра?

– Нет, завтра он не вернется.

– А когда?

– Мы не знаем. Мы ждем.

– А где папа? – спросил Улисс. – Если мы будем ждать, может, и он вернется, как Маркус?

– Нет, – сказала миссис Маколей, – он не вернется, как Маркус. Он больше не пройдет по нашей улице, не поднимется по ступенькам, не взойдет на крыльцо и не откроет двери в дом.

Но и это было слишком сложно для мальчика, а так как у него было только одно волшебное слово, которое помогало узнать правду и обрести покой, он его произнес:

– Почему?

Миссис Маколей обернулась к Бесс и Мэри.

– Смерть – это такая вещь, которую нелегко понять кому бы то ни было, особенно ребенку, но всякая жизнь однажды приходит к концу. – Она поглядела на Улисса. – Конец этот настал для твоего отца два года назад. – Она снова перевела взгляд на Бесс и Мэри. – Но до тех пор, пока мы живы, – сказала она, – пока мы вместе, пока осталось хоть двое из нас и мы его помним, ничто не может отнять у нас нашего отца. У нас могли взять только его оболочку. Ты будешь расти и все лучше узнавать своего отца, все лучше узнавать самого себя. Он не может быть мертв, раз ты жив. Время и случайность, болезнь и усталость взяли его тело, но ты вернул нам отца куда более молодым и жизнерадостным. Ты, наверно, не поймешь того, что я говорю. Но запомни: хорошее не гибнет. Если бы это было не так, на земле не осталось бы людей, окончилась бы всякая жизнь. А мир полон людей, полон чудесной, удивительной жизни.

Мальчик немножко об этом подумал, а потом вспомнил о том, что он видел утром.

– А что такое суслики? – спросил он.

Мать была подготовлена к такому вопросу. Она знала, что у мальчика есть глаза и, больше того, есть воображение, а воображением управляло горячее чувство и любовь, любовь не к чему-то особому, а ко всему на свете.

– Суслики, живущие в земле, – сказала она, – птицы в небе и рыбы в море – часть жизни, которая царит в природе, и часть нашей собственной жизни. Все, что живет, – это часть каждого из нас, и множество вещей, которые не умеют двигаться подобно нам, – тоже часть нас самих. Солнце – часть нас самих, земля, небо, звезды, реки и океаны. Все на свете – часть нас самих, и мы рождены, чтобы этим наслаждаться и благодарить Господа.

Мальчик благосклонно отнесся к этой новой для него мысли.

– Тогда где же Гомер? – спросил он.

– Твой брат Гомер работает, – сказала миссис Маколей. – Вчера он нашел себе вечернюю работу, после школы. Он придет домой в полночь, когда ты уже будешь спать.

Мальчик не мог этого понять. Что такое работа? Почему брат работает? Какое удовольствие человеку работать?

– Почему Гомер работает? – спросил он.

Девушки терпеливо дожидались, пока миссис Маколей ответит на вопросы ребенка.

– Брат твой Гомер работает, – сказала мать, – потому что другой твой брат, Маркус, ушел на войну. А нам нужны деньги, чтобы покупать пищу и одежду, платить за квартиру и давать тем, кто нуждается больше нас.

– Кому? – поинтересовался Улисс.

– Все равно кому. Ну хотя бы бедным.

– А кто бедный? – спросил мальчик.

– Все, – улыбаясь самой себе, сказала миссис Маколей.

Улисс старался побороть сон, но это ему больше не удавалось.

– Помни, – сказала мать, – ты всегда должен делиться всем, что у тебя есть. Давать, даже когда безрассудно быть расточительным. Давать всем, с кем встретишься в жизни. Тогда никто не сможет тебя обокрасть, потому что, если ты сам даешь вору, он у тебя не украдет и перестанет быть вором. И чем больше ты будешь давать, тем больше у тебя останется.

Миссис Маколей посмотрела на мальчика.

– Уложи его спать, – сказала она Бесс.

Бесс и Мэри повели мальчика в спальню. Когда мать осталась одна, она услышала шаги. Ей показалось, что у двери стоит Мэтью Маколей, словно он и не умирал.

– Я заснул, – сказал он. – Мне так хотелось спать. Ты меня, пожалуйста, прости, Кэти.

Он засмеялся, совсем как Улисс, а потом вернулась Бесс и сказала:

– Мама, ты бы слышала, как он смеялся, пока мы укладывали его в постель!..

Глава 5

Ступай своей дорогой, а я пойду своей

Рассыльный слез с велосипеда у крыльца миссис Розы Сэндовал. Он подошел к двери, тихонько постучал и сразу же почувствовал, что в доме кто-то есть. Было очень тихо, но Гомер знал, что в ответ на его стук кто-нибудь подойдет к двери, и ему страшно хотелось посмотреть на эту даму по имени Роза Сэндовал, которая сейчас услышит, что в мире свершается убийство, и почувствует его в своем собственном сердце. Дверь открыли сразу, но без всякой поспешности. Дверь отворилась так, словно той, кто ее отворял, нечего было бояться. А потом дверь распахнулась – и появилась она.

Мексиканка показалась Гомеру прекрасной. Она, видно, столько претерпела за свою жизнь, что теперь ее губы сами складывались в ласковую, чуть-чуть отрешенную улыбку. Но как и всем людям, которые никогда не получают телеграмм, появление рассыльного показалось ей ужасным предзнаменованием. Гомер понял, что, увидев его, миссис Роза Сэндовал испугалась. Она произнесла то, что произносит всякий, кто встречается с неожиданностью. Она вскрикнула: «Ах!», словно, открывая дверь, надеялась встретить не рассыльного, а давнишнего своего знакомого, с кем ей приятно было бы увидеться. Прежде чем заговорить, она заглянула Гомеру в глаза, и тот почувствовал, что она уже знает, какой нежеланной будет принесенная им весть.

– У вас телеграмма? – спросила она.

Чем же Гомер виноват? Ведь доставлять телеграммы – его обязанность. Но он все равно чувствовал себя одним из виновников всего этого беспорядка. Он был растерян, ему казалось, что он отвечает за то, что стряслось. В то же время ему хотелось объяснить ей все начистоту: «Я всего-навсего рассыльный, миссис Сэндовал. Мне очень жаль, что я должен вручить вам такую телеграмму, но ведь это – моя работа».

– Кому же эта телеграмма? – спросила мексиканка.

– Миссис Розе Сэндовал, Джи-стрит, номер тысяча сто двадцать девять, – сказал Гомер. Он протянул мексиканке конверт, но она боялась до него даже дотронуться.

– Вы – миссис Сэндовал? – спросил Гомер.

– Пожалуйста, – сказала женщина. – Прошу вас, войдите. Я не умею читать по-английски. Я – мексиканка. И читаю только «Prenza», которую получаю из Мехико. – Она промолчала и взглянула на мальчика, который, переступив порог, держался как можно ближе к выходу. – Прошу вас, скажите мне, – попросила она, – что написано в телеграмме?

– Дело в том, миссис Сэндовал, – начал мальчик, – что в телеграмме сказано...

Но женщина сразу же его прервала:

– Вам ведь нужно сначала распечатать телеграмму, а потом прочесть ее мне! А вы ее еще не распечатали.

– Да-да, конечно, – сказал Гомер, словно оправдываясь перед классной наставницей, которая сделала ему выговор.

Непослушными пальцами он распечатал конверт. Мексиканка нагнулась, чтобы подобрать с полу надорванный конверт, и стала его разглаживать. Она расправляла его, говоря:

– Кто же мог послать мне телеграмму – наверно, мой сын Хуан Доминго?

– Нет, – сказал Гомер, – военное министерство.

– Военное министерство? – спросила мексиканка.

– Миссис Сэндовал, – поспешно сказал Гомер, – ваш сын умер. Может, это ошибка. Всякий может ошибаться, миссис Сэндовал. Может, это совсем и не ваш сын. Может, это кто-

нибудь другой. В телеграмме, правда, сказано, что это Хуан Доминго. Но может, в телеграмме ошибка.

Мексиканка сделала вид, будто не слышит.

– Не стесняйтесь, пожалуйста, – сказала она. – Войдите. Войдите же, прошу вас! Я угощу вас конфеткой. – Она взяла мальчика за руку, подвела его к столу, стоявшему посреди комнаты, и заставила сесть. – Мальчики так любят сласти, – сказала она. – Я угощу вас конфеткой. – Она сходила в соседнюю комнату и принесла оттуда старую коробку с шоколадными конфетами. Положив коробку на стол, она открыла ее, и Гомер увидел там конфеты, каких он никогда еще в жизни не ел. – Вот, – сказала она. – Ешьте конфеты. Мальчики так любят сласти.

Гомер взял из коробки конфету, положил ее в рот и стал через силу жевать.

– Вы не стали бы приносить мне дурные вести, правда? – сказала она. – Вы хороший мальчик, совсем как мой Хуанито, когда он был маленький. Съешьте еще конфетку. – И она заставила рассыльного взять еще одну конфету.

Гомер жевал сухую конфету, а мексиканка говорила без умолку:

– Это наши конфеты, мы их сами варим из кактуса. Я приготовила их для моего Хуанито к его приезду. Но вы ешьте, ешьте! Вы ведь тоже мой мальчик.

И вдруг она разрыдалась, сдерживая себя, словно в слезах было что-то постыдное. Гомеру хотелось бежать, но он знал, что должен остаться; ему, видно, придется пробыть здесь всю жизнь, он вот только не знал, как ему поступить, чтобы женщине не было так горько, и, если она попросит его остаться вместо сына, он не сможет ей отказать, у него не хватит на это сил. Он поднялся, словно стоя мог исправить то, чего уже нельзя было исправить, но тут же понял бессмысленность своей попытки и смешался еще больше. В душе он твердил себе: «Что я могу поделаться? Что я, черт возьми, могу поделаться? Ведь я всего-навсего рассыльный».

Женщина вдруг обняла его, приговаривая: «Мой мальчик, ах, мой мальчик!»

Не понимая почему – ведь ему было просто очень горько, – он вдруг почувствовал, что его мутит и вот-вот вырвет. И не потому, что эта женщина или кто-нибудь другой были ему противны, но то, что с ней произошло, было так несправедливо, так безобразно, что его тошнило, и он не знал, захочется ли ему еще жить.

– Поди сюда, – сказала женщина. – Сядь. – Она насильно усадила его на стул и встала рядом. – Дай я на тебя погляжу.

Она смотрела на него так странно, что рассыльный, у которого надрывалось сердце, не мог шевельнуться. Он не чувствовал ни любви, ни ненависти, им владело величайшее отвращение, но в то же время и мучительная жалость – не только к этой бедной женщине, но и ко всему живому, к нелепой привычке людей терпеть и умирать. Он представил себе эту женщину в прошлом – красивую, молодую у колыбели сына. Он видел, как она смотрит на этого удивительного человечка: безмолвно, растерянно, полная надежд. Он видел, как она качает колыбель, и слышал, как она поет. А теперь посмотрите на нее!

И вот он уже снова несется на своем велосипеде по темной улице, и из глаз у него текут слезы, и губы шепчут детские, неразумные проклятия. Когда он доехал до телеграфной конторы, слезы у него высохли, но в душе его родилось что-то новое, чего, он это знал, уже нельзя остановить. «И не надо, – сказал он себе, – не то я сам буду ничем не лучше мертвеца». Говорил он с собой громко, словно с глухим.

Глава 6

Песня для мистера грогена

Гомер сидел за столом против мистера Грогена. Телеграфные провода молчали, но вдруг ящик затарахтел. Гомер ждал, что Гроген ответит на вызов, но мистер Гроген не тронулся с места. Гомер обежал вокруг стола.

– Мистер Гроген, – крикнул он, – вас зовут! – Он тихонько потряс старика. – Мистер Гроген, – говорил он, – проснитесь же! Проснитесь!

Гомер подбежал к графину с водой и наполнил бумажный стаканчик. Он вернулся к телеграфисту, но не решился выполнить то, что ему было приказано. Поставив стакан на стол, он снова потряс старика.

– Мистер Гроген, – повторял он, – проснитесь! Вас вызывают!

Гомер выплеснул воду ему в лицо. Мистер Гроген откинулся на стуле, открыл глаза, посмотрел на Гомера, прислушался к стуку аппарата и ответил на вызов.

– Вот это правильно! – сказал он мальчику. – А теперь быстро! Чашку черного кофе! Бегом!

Гомер выбежал из конторы и понесся к Корбету. Когда он вернулся, глаза телеграфиста были снова зажмурены, но он еще продолжал работать.

– Правильно, малыш! – сказал он. – Теперь не бойся. Все в порядке.

Мистер Гроген на минутку задержал телеграфиста на другом конце провода и стал отхлебывать кофе.

– Сперва полагается плеснуть холодной воды, – сказал он, – а потом принести черного кофе.

– Хорошо, – сказал Гомер. – А телеграмма важная?

– Нет. Совсем не важная. Деловая. Насчет того, как нажать денег. Пойдет в ночную почту. Тебе не нужно ее сегодня доставлять. Телеграмма вовсе не важная. Но мне было важно ее принять. – Голос его окреп, потому что он уже проснулся и к нему вернулись силы. – Они вот уже несколько лет хотят уволить меня на пенсию! – кричал он. – Хотят повсюду насадить эти новоиспеченные аппараты – мультиплексы и телетайпы, – сказал он презрительно, – будто машина может заменить человека! – И прибавил тихо, словно обращаясь к себе самому или к тем, кто хотел лишить его места в жизни: – Если бы не работа, прямо не знаю, что бы я стал с собой делать. Наверно, не выжил бы и недели. Я проработал всю жизнь и не могу не работать.

– Конечно, – сказал Гомер.

– Ты мне поможешь, мальчик, я знаю, что могу на тебя положиться, – сказал мистер Гроген. – Ты вот мне уже помог. Спасибо.

Он постучал ключом. Ему ответили, и он начал записывать телеграмму, но, печатая на машинке, продолжал говорить, и в голосе его звучала такая гордость и такая сила, что у Гомера стало легче на сердце.

– Они хотят меня выгнать! – кричал телеграфист. – А ведь никто не умел работать быстрее меня! Я и передавал, и принимал быстрее самого Волынского и не делал ошибок. Вилли Гроген! Мое имя знают телеграфисты во всем мире. И не отрицают, что Вилли Гроген был лучше их всех! – Замолчав, старик улыбнулся рассыльному – мальчику из рабочего предместья, который только вчера и так вовремя начал свою трудовую жизнь. – Спой-ка мне еще одну песню, малыш, – сказал старый телеграфист, – ведь мы с тобой еще живы.

И Гомер запел.

Глава 7

Если придет весточка...

Сидя в старой качалке в гостиной своего дома на авеню Санта-Клара, миссис Маколей дожидалась сына. Он вошел в гостиную вскоре после полуночи, весь в пыли, усталый и сонный, но мать сразу почувствовала в нем какую-то тревогу. Она знала, что голос у него будет глухой, каким бывал порой у ее мужа. Гомер долго стоял в темной комнате, не произнося ни слова. А потом, вместо того чтобы заговорить о самом главном, сказал:

– У меня все в порядке, мама. Но я не хочу, чтобы ты дожидалась меня допоздна каждую ночь. – Он помолчал, и ему пришлось повторить: – У меня все в порядке.

– Знаю, – сказала мать. – А ну-ка, сядь.

Он сделал движение, чтобы присесть на старое, слишком туго набитое ватой кресло, но вместо этого просто в него упал. Мать улыбнулась.

– Я вижу, ты устал, – сказала она, – но, кажется, еще и взволнован? Что случилось?

Мальчик ответил не сразу, а потом заговорил торопливо, не повышая голоса.

– Мне пришлось отвезти телеграмму одной даме на Джи-стрит. Мексиканской даме... – Гомер замолчал и встал с кресла. – Не знаю, как тебе рассказать... видишь ли, телеграмма была из военного министерства. У нее убили сына, но она не хотела этому поверить. Не хотела, вот и все. Я никогда не видел, чтобы люди так приходили в отчаяние. Она заставляла меня есть конфеты, сваренные из кактуса, обнимала и твердила, что я – ее мальчик. Я не противился – ведь ей от этого было легче. Я даже ел конфеты... – Гомер снова замолчал. – Она так смотрела на меня, словно я и в самом деле был ее сыном; мне стало нехорошо и вдруг показалось, а может, я и правда ее сын... А когда я вернулся в контору, оказалось, что наш старый телеграфист, мистер Гроген, пьян; он меня предупреждал, что с ним это бывает. Я сделал все, как он просил: брызнул ему в лицо водой и принес черного кофе, чтобы он проснулся. Если он не сможет выполнять свои обязанности, его уволят на пенсию, а он этого не хочет. Я его как следует протрезвил, и он сделал все, что полагалось, а потом рассказывал мне о себе, и мы с ним спели. Может, это глупо, но мне почему-то грустно.

Гомер замолчал и немного походил по комнате. Он стоял у открытой двери, отвернув от матери лицо, и продолжал свой рассказ:

– Меня вдруг охватила тоска. Со мной этого еще никогда не бывало. Помнишь, даже когда умер папа, я не так мучился, потому что, потому что... все мы брали пример с тебя, а ты не позволяла нам жить так, будто все кончено. Поэтому ничего и не изменилось. Все осталось по-прежнему. Не знаю, что произошло, но все стало не таким, как раньше, все теперь иначе. – И он закончил со всей непримиримостью молодости: – Решительно все!

Он перестал глядеть в проем двери и повернулся лицом к матери.

– Прошло всего два дня, и все стало другим. У меня тоска, и я не знаю, о чем тоскую. – И, подойдя к ней поближе, спросил: – О чем, как ты думаешь, мама? – Мать не отвечала и ждала, что он еще скажет. – Не понимаю, что творится на свете, – сказал он, – и почему все так устроено, но, как бы то ни было, не позволяй, чтобы тебе причиняли боль! Все теперь переменялось, но не позволяй, чтобы наша жизнь стала уж совсем не такой, как раньше.

Женщина улыбалась и ждала, скажет ли он ей еще что-нибудь, и, так как сын молчал, мать заговорила сама.

– В мире и в самом деле все переменялось, – сказала она. – Для тебя. Но он-то сам остался таким, как прежде. Тоска, которую ты почувствовал, напала на тебя потому, что ты перестал быть ребенком. Но мир всегда был полон этой тоски. И не потому, что идет война. Не война породила эту тоску. Наоборот, это из-за нее идет война. От отчаяния, неверия во

что бы то ни было, хотя бы в милосердие Божие. А мы будем держаться друг за друга. Мы постараемся остаться такими, как были. – Подумав минутку, мать сказала ему, как она примет самую нежеланную из всех грозящих ей бед. – Если весточка придет и ко мне, – сказала она, – такая, как к твоей сегодняшней мексиканке, я поверю в ее буквы, но не в ее смысл. И мне не нужно будет плакать, ведь я знаю: сына моего не могут убить. – Она замолчала, а потом заговорила снова, уже почти весело: – Что ты ел на ужин?

– Пироги, – сказал Гомер, – яблочный пирог и пирог с кокосовым кремом. За них запла- тил управляющий конторой. Он замечательный парень, я таких не видел!

– Завтра я пришлю тебе с Бесс что-нибудь поесть.

– Не надо. Мы любим покупать еду и есть ее все вместе. Не стоит возиться, а потом еще посылать Бесс. Куда интереснее пойти и купить себе что-нибудь. – Он помолчал. – У меня просто замечательная работа! Но в школе я теперь чувствую себя как-то глупо.

– Еще бы, – сказала миссис Маколей. – Школы и годятся только на то, чтобы дети не слонялись по улицам, но рано или поздно все равно приходится выйти на улицу, хотя бы они этого или нет. Отцы и матери вечно боятся столкнуть своих детей с жизнью, однако чего же тут бояться? В мире столько перепуганных детей. А напугавшись, они пугают друг друга. Старайся понять, – продолжала она. – Старайся полюбить каждого человека, который встретится на твоём пути. Я каждый вечер буду дожидаться тебя здесь, в гостиной. Но тебе совсем не обязательно разговаривать со мной, если не хочется. Я пойму. Я знаю, что бывают такие минуты, когда сердце заставляет молчать. – Она умолкла, не сводя глаз с сына. – Я знаю, ты устал, ступай спать.

– Хорошо, мама, – ответил он и пошел к себе в комнату.

Глава 8

Раздели с нами трапезу, господи!

В семь часов утра будильник шелкнул – только и всего, – а Гомер Маколей уже сидел в постели. Он нажал рычажок, чтобы будильник не зазвонил. Потом встал, достал пособие по заочному физическому обучению, выписанное из Нью-Йорка, и принялся читать урок на сегодняшний день. Его брат Улисс, как обычно, наблюдал за ним – он просыпался вместе с Гомером по шелчку, который издавал будильник перед звонком, до звонка Гомер никогда не допускал. Пособие по гимнастике из Нью-Йорка состояло из печатной брошюры и прибора для растягивания. Гомер принялся за урок № 7, а Улисс подлез к нему под руку, чтобы быть поближе к этой чудодейственной штуке. После обычных начальных упражнений, включая и глубокое дыхание, Гомер лег плашмя на спину и стал с натугой поднимать с полу ноги.

- Это что? – спросил Улисс.
- Упражнения.
- Зачем?
- Для мускулатуры.
- Хочешь стать сильнее всех на свете?
- Да не-е-ет, – протянул Гомер.
- А кем ты хочешь стать?
- Ступай поспи еще, – сказал Гомер.

Улисс послушно вернулся в постель, но, усевшись в ней, продолжал наблюдать за братом. Наконец Гомер стал одеваться.

- Куда ты идешь? – спросил младший брат.
- В школу, – ответил старший.
- Будешь учить что-нибудь?
- Сегодня у меня забег на двести метров с препятствиями.
- А куда ты с ними побежишь?
- Никуда. Это такие деревянные барьеры, их расставляют на расстоянии десяти или пятнадцати метров друг от друга, через них надо прыгать на бегу.
- Зачем?

– Ну, – сказал Гомер, потеряв терпение, – просто так принято бегать. Двести метров с препятствиями. Каждый, кто родился в нашем городе, должен пробежать двести метров с препятствиями. Это главное спортивное состязание у нас в Итаке. Управляющий телеграфной конторой, где я работаю, тоже бегал на двести метров с препятствиями, когда он ходил в школу. И был чемпионом Долины.

- А что такое чемпион Долины? – сказал Улисс.
- Это тот, кто лучше всех.
- А ты будешь лучше всех?
- Ну, постараюсь, – сказал Гомер. – А теперь спи.

Улисс нырнул в постель, но при этом сказал:

- Завтра... – тут он поправился, – вчера я видел поезд.

Гомер догадался, о чем хочет рассказать ему брат. Он улыбнулся, вспоминая, как сам бывал зачарован проходящими поездами.

- Здорово было? – спросил он.
- Улисс прилежно принялся вспоминать.
- Там был черный человек, он махал.
- А ты помахал в ответ?

– Сперва я помахал первый, – сказал Улисс. – Потом он помахал первый. Потом помахал я. Потом помахал он. Он пел «Больше не плачь, Кентукки».

– Да ну?

– Он сказал: «Еду домой!» – Улисс посмотрел на брата. – А когда мы поедем домой?

– А мы и так дома, – сказал Гомер.

– Тогда почему же он не приехал сюда?

– У каждого свой дом. У кого на востоке, у кого на западе, у кого на севере, а у кого и на юге.

– Наш самый лучший?

– Не знаю, – сказал Гомер, – я больше нигде не был.

– А будешь?

– Когда-нибудь.

– Где?

– В Нью-Йорке.

– А где Нью-Йорк?

– На востоке. После Нью-Йорка поеду в Лондон. После Лондона – в Париж. После Парижа – в Берлин. Потом в Вену, Рим, в Москву, Стокгольм – когда-нибудь я побываю во всех больших городах мира.

– А ты вернешься?

– Конечно.

– Обрадуешься?

– Конечно.

– Почему?

– Ну, потому что... – сказал Гомер, – буду рад повидать маму, Маркуса, Бесс. – Тут он посмотрел на брата. – Буду рад повидать и тебя. И нашу соседку Мэри Арену, и ее отца, мистера Арену. Буду рад вернуться домой, посидеть, поговорить, послушать музыку, спеть и поужинать вместе со всеми.

Братишка принялся его с жаром упрашивать.

– Не уезжай, – молил он, – пожалуйста, Гомер, не уезжай!

– Да я сейчас и не еду, – сказал старший. – Сейчас я пойду в школу.

– Не уезжай никогда, – просил Улисс. – Папа уехал – и больше не приехал. Потом Маркус уехал. А ты не уезжай.

– Я еще не скоро уеду... – сказал Гомер. – Так что спи.

– Ладно, – сказал Улисс. – Значит, побежишь на двадцать метров?

– На двести, – сказал Гомер. – На двести метров с препятствиями.

Когда Гомер пришел завтракать, его мать и сестра Бесс уже сидели за столом. На минуту все склонили головы, потом стали есть.

– Ты какую прочел молитву? – спросила у брата Бесс.

– Ту, что всегда, – ответил Гомер и прочитал ее так, как заучил, когда еще едва умел говорить:

Раздели с нами трапезу, Господи!
Пускай Тебя повсюду возлюбят.
Благослови же нас и дай
Попасть на пир в Господний рай.
Аминь.

– Ах, эту старую! – сказала Бесс. – И к тому же ты сам не понимаешь, что говоришь.

– Нет, понимаю, – сказал Гомер. – Может, я немножко тороплюсь, потому что хочется есть, но я все понимаю. Смысл – вот что главное. А ты прочла какую молитву?

– Сперва объясни, что значит твоя.

– То есть как это – что она значит? То, что в ней говорится.

– Ну а что же в ней говорится?

– «Раздели с нами трапезу, Господи». Ну, это значит – посиди с нами за столом. «Господи», верно, много что значит, но, в общем, это что-то хорошее. «Пускай Тебя повсюду возлюбят» – ну, это значит, пускай все и повсюду любят только хорошее. «Благослови же нас» – нас – это, наверно, всех. «Благослови» – это... ну, благослови. Благословлять, кажется, значит прощать. Или, может, любить, или хранить, или что-нибудь в этом роде. Точно не знаю. «И дай попасть на пир в Господний рай». Ну, это именно то самое и значит. Дай нам попасть в рай и там попить.

– А «Господний»? – спросила Бесс.

Гомер обратился к матери:

– Разве молитва не значит, что хорошие люди чувствуют себя как в раю всякий раз, когда садятся за стол? Ну а «Господний» подразумевает все самое лучшее, правда?

– Конечно, – сказала миссис Маколей.

– А разве Господь – это не какая-нибудь личность? – сказала Бесс.

– Конечно, – сказал Гомер. – Но и я – тоже личность. И мама, и ты, и все на свете – тоже личности. Допустим, что наш мир – это рай и что всякий, с кем бы мы ни сели за стол, – это личность. Бесс, – добавил Гомер с раздражением, – ты знаешь не хуже меня, что это просто застольная молитва, и сама понимаешь, что она значит. Тебе просто хочется сбить меня с толку. Не старайся. Это совсем нетрудно. Наверно, каждый может сбить меня с толку, ну и что из этого? Я все равно во что-то верю. Все мы во что-то верим. Правда, ма?

– Конечно верим, – сказала миссис Маколей. – Как же можно жить, если ни во что не веришь? Тогда ты уж не попируешь – и не только в раю, а где бы то ни было, – как бы ни ломился твой стол от яств. Только вера и творит чудеса.

– Вот видишь, – сказал Гомер сестре, раз и навсегда решив спор. – Я сегодня буду участвовать в беге на двести метров с препятствиями.

– Да ну? – сказала миссис Маколей. – Зачем?

– Видишь ли, ма, это очень важное состязание. Мистер Спенглер в нем тоже участвовал, когда учился в нашей школе. Тебе приходится и бежать, и прыгать в одно и то же время. А у него есть крутое яйцо. На счастье.

– Носить крутое яйцо на счастье – суеверие, – сказала Бесс.

– Ну и что? – сказал Гомер. – Пусть суеверие. Он послал меня за двумя вчерашними пирогами к Чаттертону: один был с яблоками, а другой – с кокосовым кремом. Два пирога за четвертак. Свежие пироги стоят четвертак за штуку, так что, если у тебя всего-навсего четверть доллара, ты можешь купить только один пирог. Вчерашние пироги стоят четвертак пара, так что за те же деньги ты получаешь целых два пирога. Половина пирога – мне, половина – мистеру Грогену... но он может съесть всего один или два ломтика. Так что на мою долю достается очень много пирога. Мистер Гроген предпочитает пить, а не есть.

Мэри Арена, их молоденькая соседка, вошла в кухню через черный ход. Она принесла маленькую вазу, купленную в магазине стандартных цен, и поставила ее на стол. Гомер поднялся.

– Садись сюда, Мэри, – сказал он. – Позавтракай с нами.

– Я только что позавтракала с папой и проводила его на работу, – сказала Мэри. – Спасибо. Я принесла немного компота из сушеных персиков.

– Спасибо, Мэри, – сказала миссис Маколей. – Как поживает папа?

– Отлично, – сказала Мэри. – Только он меня все время дразнит. Стоит ему утром сесть за стол, как он первым делом спрашивает: «Письма есть? Получила письмо от Маркуса?»

– Скоро получим еще письмо, – сказала Бесс. Она встала из-за стола. – Пойдем, Мэри. Пора.

– Пойдем, – сказала Мэри и снова повернулась к миссис Маколей: – Но, по правде говоря, мне до смерти надоело ходить в колледж. Ничем он от школы не отличается. Я уж большая, нечего мне всю жизнь ходить в школу. Сейчас не такое время. Честное слово, мне хотелось бы поискать работу.

– И мне тоже, – сказала Бесс.

– Глупости, – сказала миссис Маколей. – Вы еще дети, вам только семнадцать лет. Твой отец, Мэри, хорошо зарабатывает, да и твой брат, Бесс, тоже.

– Но это же просто несправедливо, миссис Маколей, – сказала Мэри. – Это же несправедливо – ходить в школу, когда Маркус в армии и все на свете грызутся друг с другом. Мне иногда так хочется быть мужчиной, я бы тогда пошла в армию вместе с Маркусом. Вот нам было бы весело!

– Ничего, Мэри, – сказала миссис Маколей. – Все пройдет. Не успеешь оглянуться, как все будет по-старому.

– Ну, будем надеяться, – сказала Мэри и отправилась в колледж со своей подружкой Бесс Маколей.

Гомер посмотрел им вслед. Минуту спустя он спросил:

– А как же будет с ней, мама?

– Ясное дело, – ответила миссис Маколей, – девочки хотят вырваться на волю и расправить крылышки.

– Дело не в том, что они хотят вырваться на волю и расправить крылышки. Я говорю о Мэри.

– Мэри – милая, простая, совсем еще наивная девочка, – сказала миссис Маколей. – Она самая наивная девочка из всех, кого я знаю, и хорошо, что Маркус ее полюбил. Ему не найти другой такой милой девочки.

– Мама, – нетерпеливо сказал Гомер, – да я совсем не о том, неужели ты не понимаешь? – Он помолчал, а потом вдруг понял, что не стоит и пытаться выразить то, что его мучит: почему война причиняет столько горя людям, которые не имеют к ней никакого отношения. – Ну ладно, увидимся вечером, когда я вернусь. Пока.

Миссис Маколей раздумывала над тем, что же он все-таки хотел ей сказать. Вдруг она увидела краешком глаза что-то совсем крошечное. Это был Улисс в ночной рубашке. Он смотрел на нее снизу вверх, словно зверюшка, которая взирает на всемогущее существо своей же породы с восторгом и упованием. Лицо его выражало глубочайшую серьезность и было полно удивительного обаяния. Улисс сказал:

– Почему он говорит: «Больше не плачь, больше не плачь»?

– Кто? – спросила миссис Маколей.

– Черный человек в поезде.

– Это такая песня, – сказала миссис Маколей. Она взяла его за руку. – А теперь пойдем одеваться.

– А черный человек сегодня опять будет в поезде? – спросил мальчик.

Миссис Маколей немного подумала.

– Непременно, – ответила она.

Глава 9

Где-то тут водятся кролики

По дороге в школу Гомер Маколей миновал изгородь, окружавшую поросший сорняками пустырь на авеню Сан-Бенито. Изгородь была старая и гнилая, и от нее не было никакой пользы – разве что украшать с претенциозной пышностью небольшой участок невоздланной земли и оберегать заросли сорняка, которые вовсе не нуждались в охране. Школьник днем и телеграфный рассыльный ночью лихо затормозил велосипед, бросил свою машину и побежал к изгороди, словно его там ждала какая-то находка, которая вот-вот от него ускользнет. Изгородь была на полметра выше барьера на беговой дорожке и ускользнуть от него никуда не могла, разве что лет через сто. Гомер тщательно осмотрел изгородь, поле за ней и дорогу перед ней, потом измерил высоту и убедился, что изгородь ему выше пояса. Он сделал несколько пробных прыжков, отошел метров на десять, круто повернулся и, даже ничего себе не скомандовав, понесся к изгороди. Подбежав, он сделал великолепный прыжок, задел изгородь ногами, сбил часть ее, а сам упал в сорняки, но тут же поднялся и вернулся назад, чтобы попытаться снова. Забор был до смешного непрочным, доски ломались с громким треском. Гомер сделал общим счетом семь прыжков, но ни один из них не увенчался успехом. Однако он прекратил свои упражнения лишь тогда, когда изгородь окончательно рухнула.

Какой-то старик с трубкой в зубах вышел, опираясь на палку, из дома напротив и стал спокойно наблюдать за Гомером. Когда Гомер в последний раз поднялся с земли и стал отряхиваться, старик с ним заговорил.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Прыгаю через барьер.

– Ушибся?

– Не-е-ет, – сказал Гомер. – Изгородь высоковата, вот и все. Да и трава скользкая.

Старик поглядел на сорняки и сказал:

– Это молочай. Очень полезный корм для кроликов. Кролики его любят. Лет одиннадцать назад у меня клетка полна была кроликов, но кто-то открыл ночью дверцу, и они все удрали.

– А зачем было открывать дверцу?

– Понятия не имею. Я так и не узнал, кто это сделал. Потерял тридцать три кролика, таких красавцев больше не увидишь. Бельгийцы, с розовыми глазами и кошачьими мордами, только два или три были другой породы... Так я ничего и не узнал об их судьбе.

– Вы любите кроликов? – спросил Гомер.

– Ласковые зверьки, – сказал старик. – Домашние кролики – животные очень воспитанные. – Старик оглядел сорняки на пустыре. – Тридцать три кролика на воле целых одиннадцать лет, – продолжал он. – Интересно, сколько их сегодня здесь бегают, ведь они быстро размножаются... Верно, совсем одичали. Ничуть не удивлюсь, если весь город кишит дикими кроликами.

– Я лично никогда их не видел.

– Может, тебе и не приходилось. Но они-то здесь, будь покоен. Весь город ими, верно, кишмя кишит. Еще год-два – и не будем знать, куда от них деваться.

Как ни обидно, но Гомеру пришлось сесть на велосипед.

– Ну, – сказал он, – мне пора. Надеюсь, увидимся.

– Еще бы, – отозвался старик. – Меня зовут Чарльзом... Зови меня просто Чарли. Приходи когда хочешь. Милости просим.

– Спасибо, сэр, – сказал Гомер. Он вернулся к волновавшей его теме. – Сегодня в школе я участвую в забеге на двести метров с препятствиями.

– Никогда я не ходил в школу, – сказал старик, – зато был на испано-американской войне.

– Ей-богу? Да ну! – сказал Гомер. – Ну пока!

– Да-да, – сказал старик, но теперь уже самому себе. – Ох уж эта испано-американская война! Все то и дело – улепетывали, как кролики.

Гомер исчез за углом. Старик побрел назад в свой домишко, дымя трубкой и оглядываясь по сторонам. Он ткнул палкой в поросль молочая.

– Где-то тут водятся кролики, – сказал он. – Теперь-то уж, верно, одичали... не то что были прежде.

Глава 10

Древняя история

На беговой дорожке стадиона средней школы Итаки были расставлены барьеры для забега на двести метров с препятствиями. Сейчас, ранним утром, здесь тренировались четверо мальчиков. Все они бегали хорошо, точно рассчитывая силы и делая прыжки по всем правилам. Тренер Байфильд подошел к победителю с секундомером в руках.

– Вот это уже лучше, Экли, – сказал он подростку, который был явно не из низов, однако ничем возвышенным пока не отличался. Всем своим видом он выражал сдержанную покорность судьбе, которая свойственна отпрыскам богатых семейств, десятилетиями не испытывающих нужды ни в пище, ни в одежде, ни в крове и порой даже способных посадить к себе за стол отпрысков других семейств – конечно, из тех, кому повезло не меньше. – Тебе еще надо подучиться, – сказал тренер мальчику, – но я думаю, что сегодня ты победишь.

– Постараюсь, сэр, – ответил мальчик.

– Конечно, – сказал тренер. – Сегодня у тебя не будет соперника, но через две недели на чемпионате Долины их не оберешься. Ступай теперь в душ и отдохни.

– Слушаюсь, сэр, – ответил мальчик. Он пошел, но вдруг остановился. – Извините, – сказал он, – какое у меня время?

– Приличное, – сказал тренер, – но не слишком. Я бы на твоём месте о нём не заботился. Беги, как я тебя учил, и считай, что придешь к финишу первым.

Трое других бегунов стояли в сторонке и прислушивались к разговору.

– Может, он и ведет себя как девчонка, – сказал один из них, – но всегда приходит к финишу первым. Чего ты зеваешь, Сэм?

– Чего я зеваю? – сказал Сэм. – А ты чего зеваешь? Почему бы тебе его не побить?

– Я пришел вторым.

– Что вторым, что третьим – какая разница!

– Подумать только, нас побил Хьюберт Экли Третий! – сказал Сэм. – Стыд какой!

– Правильно, – сказал другой, – но тут уж ничего не поделаешь. Он просто бегаёт лучше нас, вот и все.

Тренер обратился к ним уже совершенно другим тоном:

– Ладно, ребята, пошевеливайтесь. Не такие уж вы молодцы, чтобы бить баклуши и задаваться. Возвращайтесь на старт и попробуйте еще разок.

Мальчики молча вернулись на старт, тренер дал команду, и они побежали снова. Потом тренер решил, что до соревнования им стоит пробежаться еще несколько раз. Как видно, ему очень хотелось, чтобы победителем остался Хьюберт Экли Третий.

Классная комната быстро наполнялась учениками. Учительница древней истории, старенькая мисс Хикс, ожидала последнего звонка и хоть какого-нибудь подобия тишины и порядка – это на ее уроках было сигналом к очередной попытке разрешить задачу воспитания юношества, а чаще просто развлечь мальчиков и девочек Итаки, которые учились пока в средней школе, но вскоре, по крайней мере теоретически, должны были вступить в жизнь. Гомер Маколей, обуреваемый чувством, близким к обожанию, не сводил глаз с девочки по имени Элен Элиот, которая шла от двери к своей парте. Без сомнения, эта девочка была самой красивой девочкой на свете. Кроме того, она была задавалой – Гомер не хотел верить, что это свойство ее характера было прирожденным или закоренелым. И однако, хотя он ее и боготворил, чванство Элен Элиот сильно омрачало его школьную жизнь. Следом за ней вошел Хьюберт Экли Третий. Когда Хьюберт нагнал Элен, они зашептались, что сильно раздосадовало Гомера. Раздался последний звонок, и учительница сказала:

– Хватит. Прошу потише. Кто отсутствует?

– Я, – откликнулся один из мальчиков. Его звали Джо Терранова, и он был классным шутом.

Четверо или пятеро проповедников веселого культа его личности, преданных ему душой и телом, сразу же оценили его грубоватую остроуту. Но Элен Элиот и Хьюберт Экли кинули надменный взгляд на этих классных юродивых, на это дурно воспитанное отродье обитателей трущоб. В свою очередь, этот взгляд так разозлил Гомера, что уже после того, как все перестали смеяться, он разразился деланным «ха-ха-ха» прямо в лицо Хьюберту, которого презирал, и Элен, которую обожал. Затем он тут же накинулся на Джо:

– А ты помалкивай, когда говорит мисс Хикс.

– Ну-ка, брось свои глупости, Джозеф, – сказала мисс Хикс. – И ты тоже, молодой человек, – добавила она, обращаясь к Гомеру. Сделав паузу, она оглядела класс. – Вернемся к ассирийцам и начнем с того самого места, на котором мы с ними вчера расстались. Прошу сосредоточиться, сосредоточиться полностью. Сперва мы читаем вслух из нашего учебника древней истории. Потом обсудим вслух прочитанное.

Шут не смог отказаться от такой возможности подурачиться.

– Не надо, мисс Хикс, – предложил он, – давайте не обсуждать вслух. Давайте обсуждать про себя, чтобы я мог поспать.

Его приспешники снова разразились хохотом, а снобы отвернулись с негодованием. Мисс Хикс ответила шуту не сразу: с одной стороны, ей доставляла удовольствие его находчивость, а с другой стороны, ей было трудно сдерживать его находчивость как раз в той мере, чтобы она быстро не иссякла. И все-таки было необходимо прибрать его к рукам. Наконец она сказала:

– Не надо придирается, Джозеф, особенно когда случается, что ты прав, а я нет.

– Ладно, простите, мисс Хикс, – сказал местный комик. – Такой уж у меня характер. Обсуждать вслух! А как же на уроке обсуждать еще? Ну да ладно, простите. – Потом, словно подшучивая над собой и собственным нахальством, он покровительственно помахал ей рукой. – Можете продолжать, мисс Хикс.

– Спасибо, – сказала учительница. – А теперь не зевайте.

– Не зевать? – сказал Джо. – Да вы поглядите на них, они уже все заснули.

Старенькой учительнице хотя и нравились шутки Джо, все же пришлось его предупредить:

– Если ты еще раз прервешь меня, Джозеф, я попрошу тебя прогуляться в кабинет директора.

– Я-то хочу приобрести хоть какие-нибудь знания, – сказал озорник. – А вы поглядите на них. Они и правда клюют носом. – Окинув взглядом своих одноклассников, он добавил: – И все мои дружки тоже. Им бы только играть в бейсбол.

– Заткнись, Джо, – сказал Гомер приятелю. – Что ты все время кривляешься? И так все знают, что ты за словом в карман не полезешь.

– Хватит, – сказала мисс Хикс. – Замолчите оба. Откроем страницу сто семнадцатую, параграф второй. – Все полистали книгу и нашли нужное место. – Древняя история может казаться скучным и ненужным предметом. В такое время, как сейчас, когда в истории нашего общества происходит столько событий, может показаться, что не к чему изучать и понимать другое общество, которого давно уже не существует. Но такое представление будет ошибочным. Нам очень важно знать о других временах, о других культурах, других народах, других цивилизациях. Кто хочет выйти к доске и почитать?

Подняли руки две девочки и Хьюберт Экли Третий.

Озорник Джо шепнул Гомеру:

– Ты только погляди на этого типа!

Из двух девочек, которые вызвались читать, учительница выбрала прекрасную и надменную Элен Элиот. Гомер словно зачарованный глядел, как она шла к доске. Элен постояла там – такая красивая, – а потом принялась читать самым звонким и приятным голосом на свете, и Гомеру оставалось только дивиться, каким чудом сочетаются в человеке такая красота и такой голос.

«Ассирийцы с длинными носами, волосами и бородами, – читала Элен Элиот, – превратили Ниневию на севере в могучую державу. После многих столкновений с хеттами, египтянами и другими народами они завоевали Вавилон в царствование Тиглатпаласара Первого в одиннадцатом веке до Рождества Христова. Много столетий кряду Ниневия, построенная из камня, и Вавилон, построенный из кирпича, оспаривали друг у друга господство. Слова «сириец» и «ассириец» не имеют между собой ничего общего, а ассирийцы воевали против сирийцев, пока Тиглатпаласар Третий не покорил сирийцев и не изгнал десять племен Израилевых».

Элен остановилась, чтобы перевести дыхание и прочесть следующий параграф, но не успела она начать, как Гомер Маколей спросил:

– А что собой представляет Хьюберт Экли Третий? Кого он завоевал или что он совершил?

Благовоспитанный мальчик поднялся со сдержанным негодованием.

– Мисс Хикс, – произнес он строго, – я не могу допустить, чтобы такое вызывающее озорство сошло с рук безнаказанно. Я вынужден просить вас предложить мистеру Маколею отправиться к директору... Или, – сказал он с расстановкой, – мне придется взять это дело в собственные руки.

Гомер вскочил с места.

– Ты бы лучше заткнулся, – сказал он. – Разве тебя не зовут Хьюберт Экли Третий? Ну, так чем же ты знаменит или, если говорить всерьез, чем знаменит Хьюберт Экли Второй или Хьюберт Экли Первый? – Он обратился к мисс Хикс, а затем и к Элен Элиот. – Мне кажется, что я задал разумный вопрос, – сказал он им. Потом снова спросил Хьюберта Экли: – Так чем же вы все трое знамениты?

– Знаешь, – сказал Хьюберт, – по крайней мере, ни один Экли никогда не был неотесанным... – Он поискал самый уничижительный эпитет. – Фанфароном!

Никто еще в Итаке не слыхивал такого слова.

– Фанфароном? – переспросил Гомер. Он призвал на помощь учительницу. – Что это значит, мисс Хикс? – Но так как она замешкалась, Гомер круто повернулся к Хьюберту Экли: – Послушай, ты, номер третий, не смей ругать меня словами, которых я никогда даже и не слышал.

– Фанфарон, – сказал Хьюберт, – это хулиган... хвастун.

Он подыскивал другое, еще более оскорбительное слово.

– Заткнись, – сказал Гомер.

Он улыбнулся Элен Элиот прославленной улыбкой Маколеев, повторяя:

– Фанфарон! Это еще что за ругательство?

Затем он сел.

Элен Элиот ждала знака, что можно продолжать чтение. Но мисс Хикс знака не подавала. Наконец Гомер понял. Он поднялся и сказал Хьюберту Экли Третьему:

– Ладно, извини меня.

– Спасибо, – сказал благовоспитанный мальчик и сел.

Учительница древней истории окинула взглядом класс и сказала:

– Гомер Маколей и Хьюберт Экли останутся в классе после уроков.

– А как же будет с сегодняшними состязаниями в беге? – сказал Гомер.

– Меня не интересуют состязания в беге, – ответила учительница. – Духовное развитие не менее важно, чем телесное. А может, и важнее.

– Мисс Хикс, – произнес Хьюберт Экли, – средняя школа Итаки рассчитывает, что я буду победителем в забеге на двести метров с препятствиями, а через две недели покажу хорошие результаты и в чемпионате Долины. Боюсь, что тренер Байфильд будет настаивать на моем участии в состязаниях.

– Не знаю, на чем будет настаивать тренер Байфильд, – сказал Гомер, – но лично я твердо намерен сегодня участвовать в беге на двести метров с препятствиями.

Хьюберт Экли посмотрел на Гомера.

– А я не знал, – сказал он, – что и ты собираешься участвовать в забеге.

– Да, собираюсь, – сказал Гомер. – Мисс Хикс, если вы нас в этот раз отпустите, даю вам слово, что никогда больше не буду плохо себя вести или вас не слушаться. И Хьюберт тоже дает слово. – Он спросил у Хьюберта: – Дашь слово?

– Даю, – сказал Хьюберт.

– Вы оба останетесь после уроков, – сказала преподавательница древней истории. – Пожалуйста, Элен, читай дальше.

– «Союзные армии халдеев с юга и мидян и персов с севера, – читала Элен, – вторглись в Ассирийское царство, и Ниневия склонилась перед их мощью. Вторым Вавилонским царством правил Навуходоносор Второй. Потом пришел со своими ордами завоевателей царь персидский Великий Кир. Но его господство было лишь временным, поскольку потомки этих завоевателей позднее сами были покорены Александром Великим».

Гомеру все опротивело, утомленный вечерней работой и убаюканный мелодичным голосом девочки, созданной, как он верил, для него одного, он уронил голову на скрещенные руки и погрузился в нечто весьма похожее на сон. Но и сквозь сон он слышал, как девочка читала:

– «Из этого плавильного котла мир получил в наследство величайшие ценности. Библейские заповеди Моисея обязаны некоторыми своими положениями законам Хаммурапи, прозванного Законодателем. Из арифметической системы того времени, в которой число, кратное двенадцати, применялось наряду с привычной нам десяткой, мы унаследовали наши шестьдесят минут в час и триста шестьдесят градусов окружности. Арабы дали нам наши цифры, которые все еще называются арабскими в отличие от римской системы счисления. Ассирийцы изобрели солнечные часы. Современные аптечные знаки и знаки зодиака родились в Вавилоне. Недавние раскопки в Малой Азии обнаружили, что там существовала могущественная держава».

– Могущественная держава? – повторил Гомер сквозь дремоту. – Где? В Итаке? В Итаке калифорнийской? А потом исчезла, провалилась в тартарары? Не оставив ни великих людей, ни великих открытий, ни солнечных часов, ни системы счисления, ни знаков зодиака, ни веселья – ровно ничего? Где же эта великая держава?

Он решил поднять голову и поискать ее. Но увидел только лицо Элен Элиот – может быть, величайшее царство всех времен и народов – и услышал ее удивительный голос – быть может, величайший дар обездоленного человечества.

– «Хетты, – читала она, – двинулись вдоль побережья, в Египет. Их кровь смешалась с кровью иудейских племен и дала иудеям хеттский нос».

Элен замолчала.

– Это конец главы, мисс Хикс, – сказала она учительнице древней истории.

– Очень хорошо, Элен, – похвалила ее мисс Хикс. – Спасибо, ты отлично читала. Садись.

Глава 11

Речь, посвященная человеческим носам

Мисс Хикс подождала, пока Элен села на место, затем окинула взглядом лица своих учеников.

– Ну-с, – сказала она, – что же мы усвоили?

– Люди во всем мире имеют носы, – сказал Гомер.

Такой ответ нисколько не задел мисс Хикс, она приняла его как должное.

– А что еще? – спросила она.

– Носы, – продолжал Гомер, – существуют не только для того, чтобы сморкаться и получать насморк, но и для правильного понимания древней истории.

Мисс Хикс отвернулась от Гомера к другим ученикам:

– Пожалуйста, пусть ответит еще кто-нибудь. Кажется, Гомер слишком увлекся носами.

– А разве о них не написано в книге? – спросил Гомер. – Зачем же тогда о них пишут? Значит, это важно.

– Мистер Маколей, – предложила мисс Хикс, – может, вы желаете произнести экспромтом речь о носсах?

– Ну что ж, – сказал Гомер, – правда, «речь» для того, что я скажу, слишком громкое слово... но древняя история нас все-таки кое-чему научила. – Он продолжал с расстановкой и с подчеркнутым пафосом: – У людей всегда были носы. В доказательство моего утверждения стоит лишь поглядеть на всех сидящих здесь, в классе. – Он оглядел своих соучеников. – Носы, – изрек он, – кругом одни носы! – На секунду он умолк, раздумывая, что бы ему еще сказать на эту тему. – Нос, – решил он наконец, – быть может, самая забавная часть лица. Он всегда смущал человечество, а хетты, наверно, потому и дрались со всеми на свете, что носы у них были такие длинные и кривые. Не все ли равно, кто изобрел солнечные часы: рано или поздно изобретут часы настоящие. Самое главное: у кого есть носы?

Затейник Джо слушал эту речь с глубочайшим интересом, восхищением и даже завистью. Гомер продолжал:

– Некоторые люди говорят в нос. Многие храпят носом, а избранные свистят или поют в нос. Кое-кого водят за нос, другие суют нос куда не следует. Носы откусывали бешеные собаки и киноактеры в душераздирающие минуты любовной страсти. Под самым носом захлопывались двери, и порой носы попадали в машинку для сбивания яиц и даже в радиолу. Нос неподвижен, как зуб, но, находясь на движущемся предмете – голове, – вынужден терпеть всяческие злоключения, поскольку его таскают повсюду, где он только мешает. Задача носа – пронюхать, не пахнет ли жареным, но люди порой воротят нос от чужих мыслей, поведения или внешности. – Он посмотрел на Хьюберта Экли и Элен Элиот – ее нос, вместо того чтобы задраться кверху, почему-то слегка повис книзу. – Такие люди, – продолжал Гомер, – обычно задирают нос до небес, словно рассчитывают попасть в Царствие Небесное. Большинство зверей имеет ноздри, но лишь немногие из них имеют нос в подлинном смысле этого слова, и все же чувство обоняния сильнее развито у зверей, чем у человека, хотя у человека нос что надо. – Гомер Маколей глубоко вздохнул и решил закругляться. – Главное свойство носа заключается в том, что он вызывает ссоры, войны, кладет конец испытанной дружбе и счастливым бракам. Ну а теперь смогу я пойти на стадион, мисс Хикс?

Хотя старенькая учительница древней истории и осталась довольна столь изобретательной речью на такую пустяковую тему, она не могла допустить, чтобы ораторское искусство помешало ее усилиям навести порядок в классе.

– Вы останетесь после уроков, мистер Маколей, – сказала она, – и вы тоже, мистер Экли. Теперь, когда мы покончили с вопросом о носах, я попрошу кого-нибудь высказаться о том, что было сегодня прочитано.

Желающих высказаться не нашлось.

– Давайте, давайте, – настаивала мисс Хикс. – Пусть кто-нибудь выскажется. Кто хочет?

На ее призыв откликнулся только озорник Джо.

– Носы бывают алые, – сказал он. – Фиалки же лиловые. А класс у нас убийственный...

– Еще кто-нибудь? – предложила мисс Хикс.

– У мореплавателей и путешественников обычно бывают длинные носы, – заявила одна из девочек.

– Все дети о двух головах имеют по два носа, – добавил Джо.

– Нос никогда не растет на затылке, – пояснил один из почитателей Джо.

– Еще кто-нибудь, – сказала мисс Хикс. Она обратилась к одному из мальчиков: – Ты, Генри?

– Я ровно ничего не знаю о носах, – сказал Генри.

Джо спросил Генри:

– А кто был царь Минос?

– Минос был в Древней Греции, – сказал Генри.

– Был у Миноса нос? – спросил Джо.

– Конечно был.

– Ну а почему бы тебе не сказать: «У Миноса был во какой нос!» У нас же урок древней истории. Почему бы тебе ее и не выучить хоть раз в кои-то веки? Минос – нос – древняя история. Постиг?

Генри старался постичь.

– Минос – нос, – повторил он. – Нет, погоди, не так. Нос у Миноса был велик во весь лик.

– Эх ты, – сказал Джо. – Ничему ты никогда не научишься и на старости лет помрешь в богадельне. Почему бы тебе не сказать: даже Минос и тот имел нос. Понимать надо. Ты за собой последи.

– Довольно, – сказала мисс Хикс. – Еще кто-нибудь?

– Рука проворнее глаз. Но течет только из носу, – сказал Джо.

– Мисс Хикс, – вставил Гомер, – позвольте мне участвовать в беге на двести метров с препятствиями!

– Меня совершенно не интересуют никакие препятствия, – сказала мисс Хикс. – Еще кто-нибудь?

– Послушайте, – сказал Гомер, – разве я не вдохнул жизнь в ваш сонный класс? Разве я не заставил их всех говорить о носах?

– Это не имеет отношения к делу, – сказала учительница древней истории. – Еще кто-нибудь?

Но было уже поздно. Прозвучал звонок. Все поднялись и направились на стадион, за исключением Гомера Маколея и Хьюберта Экли Третьего.

Глава 12

Бег на двести метров с препятствиями

Спортивный тренер средней школы Итаки стоял перед директором средней школы Итаки, человеком по фамилии Ик – последнее обстоятельство было отмечено мистером Робертом Райпли в одной из его карикатур, напечатанных в местной газете под рубрикой «Невероятно, но факт». Мистера Ика звали Оскаром, но это уже не так интересно.

– Мисс Хикс, – говорил тренеру средней школы Итаки директор средней школы Итаки, – самая старая и уж во всяком случае самая лучшая преподавательница, которая работала у нас в школе. Она была моей преподавательницей, когда я учился в средней школе Итаки, да и вашей тоже. Мне не хотелось бы отменять за ее спиной наказание, которое она наложила на двух сорванцов.

– Хьюберт Экли Третий вовсе не сорванец, – заметил тренер. – Гомер Маколей – да, а Хьюберт Экли – нет. Он примерный маленький джентльмен.

– Понимаю, – сказал директор. – Хьюберт Экли действительно из богатой семьи. Но если мисс Хикс оставила его в школе после уроков, значит, он там и останется после уроков. Я не сомневаюсь в том, что он примерный маленький джентльмен. Помню, таким был и его отец. Самый примерный из всех примерных джентльменов. Но древнюю историю преподает у нас мисс Хикс, и еще не было случая, чтобы она наказала кого-нибудь незаслуженно. Придется Хьюберту Экли бежать в другой раз.

Директор счел вопрос исчерпанным. Тренер повернулся и покинул кабинет. Однако он не пошел на стадион, а вместо этого отправился в класс, где находились Гомер, Хьюберт и мисс Хикс.

Байфильд с улыбкой отвесил поклон старой учительнице.

– Мисс Хикс, – сказал он, – я имел беседу с мистером Иком.

Он давал понять, что заручился согласием директора явиться сюда за Хьюбертом Экли Третьим и освободить его. Но тут вскочил Гомер Маколей, будто дело шло о его освобождении.

– Я не за тобой пришел, – пренебрежительно бросил ему тренер и кивком подозвал другого мальчика. – Мистер Экли!

– Что такое? – спросила учительница.

– Мистеру Экли надо поскорей переодеться, чтобы принять участие в беге на двести метров с препятствиями. Мы его ждем.

– Вот как? – сказал Гомер. Он кипел от законного негодования. – А как же будет со мной, с мистером Маколеем?

Тренер ничего не ответил и вышел из комнаты в сопровождении сбитого с толку и несколько смущенного Хьюберта Экли Третьего.

– Видали, мисс Хикс? – закричал Гомер Маколей. – Ну разве это не блат?

Учительница древней истории была так расстроена, что не могла произнести ни слова.

– Мистер Байфильд, – наконец прошипела она, – способен обучать спорту только таких же ослов, как он сам. – Она замолчала, почувствовав, что ее вспышка была недостойной. – Извините меня, – добавила она, – но он не только невежда, а еще и лгунишка.

Бурное и никак не скрываемое возмущение мисс Хикс было просто очаровательно. Гомер уж почти не сомневался в том, что она лучшая преподавательница в мире.

– Мне он никогда не нравился, – сказал Гомер. – Я очень рад, что вы его тоже не любите.

– Я преподаю древнюю историю в средней школе Итаки вот уже тридцать пять лет, – сказала мисс Хикс. – Я выпестовала сотни мальчиков и девочек Итаки. У меня учились твой

брат Маркус и твоя сестра Бесс, и если у тебя есть младшие братья или сестры, они тоже когда-нибудь станут моими учениками.

– У меня есть только один брат, – заметил Гомер. – Его зовут Улисс. А как учился Маркус?

– Маркус и Бесс, – сказала мисс Хикс, – были хорошими детьми, честными и культурными. Да, культурными, – повторила она, подчеркивая это слово. – Нравы древних народов делали их культурными от рождения. Маркус, как и ты, мог иногда сболтнуть лишнее, но он никогда не лгал. А вот подонки вроде Байфильда всегда были и останутся дураками... для них я только старуха. Он пришел и солгал мне в глаза... совсем как тогда, когда был мальчонкой и лгал мне в классе. Ничему он с тех пор не научился, разве что лизать пятки тем, кого считает выше себя.

– Ей-богу? – подзадорил ее Гомер; ему хотелось, чтобы учительница продолжала свои разоблачения.

– Я видела на своем веку, как подобные субчики помыкают хорошими людьми, которым они и в подметки не годятся. Пробивают себе путь с помощью лжи и мелкого жульничества, расталкивая локтями тех, кто стоит выше всего этого. Двести метров с препятствиями! Тоже мне препятствия! – Учительница древней истории была ужасно обижена. Она высморкалась и вытерла глаза.

– Ладно, мисс Хикс, не расстраивайтесь, – сказал Гомер. – Я останусь в классе. Можете наказать меня за то, что я болтал. Так мне, видно, и надо, ну а в будущем я постараюсь вести себя хорошо. Вот уж не думал, что учителя тоже люди... не хуже других... а то и лучше! Ладно, мисс Хикс. Можете меня наказать.

– Да я оставила тебя после уроков вовсе не для того, чтобы наказывать, – сказала учительница древней истории. – Я всегда оставляю только тех, кто мне дорог... Для того чтобы быть к ним поближе. Я никак не могу поверить, что ошиблась в Хьюберте Экли. Это мистер Байфильд заставил его меня не послушаться. Я сама собиралась через минуту отправить вас обоих на стадион. И оставила вас в классе не для того, чтобы наказать, а для того, чтобы воспитать. Ведь я слежу за духовным ростом моих детей и радуюсь каждому новому признаку этого роста. Ты извинился перед Хьюбертом Экли, и, хотя ему было неловко, потому что ты не скрывал своего отношения к нему, он учтиво принял твои слова. Я оставила вас после уроков потому, что хотела поговорить с вами обоими – с мальчиком из богатой семьи и с мальчиком из бедной семьи. Кто его знает, как сложится жизнь. Может, ему придется еще трудней, чем тебе. Мне хотелось, чтобы вы получше узнали друг друга. Я хотела поговорить с вами обоими.

– Да я вообще ничего не имею против Хьюберта, – сказал Гомер, – только почему он так о себе воображает? Чем он лучше других?

– Я тебя понимаю, – сказала учительница древней истории. – Но каждый человек на свете в самом деле и лучше, и хуже других. Джо Терранова смысленнее Хьюберта, но Хьюберт по-своему такой же честный мальчик, как и он. В демократическом обществе все люди должны быть равны, а там уж их дело проявлять себя хорошо или дурно, вести себя благородно или низко. Мне хочется, чтобы мои мальчики и девочки старались вырасти людьми хорошими и благородными. Ничем показным меня не обманешь – ни хорошими, ни дурными манерами. Меня занимает то, что скрыто под этими манерами. Мне все равно – беден мой ученик или богат, католик он, протестант или еврей, белый, черный или желтый, способный или тупой, талантливый или простофиля, лишь бы он был человеком и у него было сердце, лишь бы он любил правду и честь и одинаково уважал бы и тех, кто ниже, и тех, кто выше его. Если ребята в моем классе – люди, я вовсе не стремлюсь к тому, чтобы все они были на один лад. Пусть отличаются друг от друга сколько угодно, лишь бы в них не было низости. Я хочу, чтобы каждый из моих ребят оставался самим собой. Я вовсе не хочу, чтобы ты, Гомер,

стал похож на кого-нибудь другого, лишь бы доставить мне удовольствие или облегчить мой труд. Мне очень скоро опротивел бы класс из одних примерных маленьких леди и джентльменов. Я хочу, чтобы дети мои были людьми – непохожими, особенными, до удивительности неповторимыми. Хорошо, если бы Хьюберт Экли выслушал все это вместе с тобой... и вы оба поняли бы: в том, что ты не любишь его, а он тебя, нет ничего противоестественного. Мне хотелось, чтобы он понял: каждый из вас станет настоящим человеком только тогда, когда, несмотря на обоюдную неприязнь, вы будете уважать друг друга. Вот что значит быть культурным... и чему учит нас древняя история.

Учительница помолчала и поглядела на мальчика, у которого почему-то – он сам не знал почему – на глаза навертывались слезы.

– Я рада, что поговорила с тобой, – сказала она. – Из всего класса мне хотелось поговорить именно с тобой. Когда ты кончишь школу – и совсем меня забудешь, – я буду следить за тем, как ты живешь, и нисколько не удивлюсь, если узнаю, что ты многого достиг. – Она снова высморкалась и вытерла глаза. – Ну а теперь беги на стадион. Состязайся с Хьюбертом Экли на двести метров с препятствиями. Если некогда будет переодеться, беги как есть, пусть над тобой смеются. Прежде чем ты твердо встанешь на ноги, ты еще не раз услышишь смех, и не только людскую насмешку, но и глумление судьбы, которая постарается смутить твой дух и потащить тебя вспять. Но я уверена: тебя это не остановит. – Учительница вздохнула и устало закончила: – Беги на стадион, Гомер Маколей. Я буду на тебя смотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.